

Увидев Рассу в том состоянии, в котором он находился, Эйгин действительно знал, как мало он знал о своем союзнике. Так вот кем они были? Союзники? Эйгин не чувствовал, что они достаточно близки, чтобы называться знакомыми, не говоря уже о друзьях. Союзники были лучшим, что мог придумать Эйгин. Но он не думал, что союзники продали друг друга врагу. Это было сложно, и, честно говоря, Эйгин не был уверен, почему его это так волнует. Что он знал, так это то, что он чувствовал связь с Расой, такую же, какую он никогда не имел ни с кем другим. Той, которая привела их в их короткое путешествие вместе к взаимопониманию.

Тем не менее, независимо от их отношений, или любого понимания, которое у них было... видеть Рассу в таком состоянии, которое казалось чем-то худшим, чем смерть. Знать, что он был введен в него насильно кем-то, кто не заботился о его благополучии, кроме как сохранить ему жизнь. Это разозлило Эйгина. Очень разозлил.

Когда доктор заставил его уйти, Эйгин не был полностью уверен в том, что им овладело. Это было инстинктивно. Он нарисовал свой клинок и приставил его к горлу ближайшего охранника, затем перерезал его и толкнул охранника к Рассе.

Это произошло так быстро, что никто не знал, как реагировать. Потом, когда кровь попала в разлагающееся тело Рассы и упала в его открытый рот, Зарот ворчал от гнева.

"Нет!"

Доктор повернулся к Эйгину, но Эйгин просто взглянул на Доктора: "Тебя наняли изучать его, а не пытаться". Ты будешь кормить его столько, сколько он потребует, или я сделаю это за тебя". Разница в том, что мне плевать, откуда берётся кровь. Даже если мне придётся пожертвовать тобой в процессе. Я не могу сказать, что это будет большой потерей".

"Герцог нанял меня..."

"Герцога здесь нет, и я очень сомневаюсь, что он соизволил бы приехать в такое же заброшенное место, как Джеррика", - ответил Эйгин, - "Во всяком случае, не снова".

Слышимый звук кожи, мышц, органов и костей Рассы, восстанавливающих себя, как кровь питала его, прорезал его сквозь темноту.

Из своей гробницы Расса почувствовал вкус крови, единственной вещи, которая могла вывести его наружу, и он с легкостью схватился за нее. Он знал, что, скорее всего, его отправят обратно в глубины души как можно скорее, но до тех пор он предпочитал мир снаружи. Его глаза открылись, и, когда он пил, он боролся, чтобы думать только о том, чтобы утолить свою жажду. Только когда не осталось ни капли крови, чтобы выпить, Расса акнольведья считал, что это тело охранника, а не раба. Когда он попытался сбросить бабку, все еще прикованный цепью к раскладушке, он увидел мальчика-убийцу, с которым познакомился ранее. Эйгин смотрела на Зарота, а доктор смотрел в ответ.

"Теперь ты получишь раба, или мне придется перерезать еще одно горло?" спросил Эйгин.

Зарот посмотрел на стражников, которые отступали с линии огня. Через мгновение колебания, когда он посмотрел на все еще исцеляющего Рассу, Зарот сорвался вслух, когда выходил из камеры.

"Приведите сюда рабов!"

Охранники вышли, Эйгин приказал одному из них оставить факел. Когда Эйгин положил факел в держатель на стене, он оглянулся назад, чтобы найти Рассу, уставившись на него с запутанным выражением лица. Голос мальчика был невероятно расплывчатым, когда он говорил: "Что ты здесь делаешь?"

После этого он кашлял, делая глубокие вдохи, как последняя кожа, которую Эйгин мог видеть исцеленной.

Эйгин вздохнул: "Мне было поручено доложить о прогрессе Доктора. Это... ваше состояние... не было тем, что я имел в виду".

Расса посмеялся, лежа на крыше, чтобы посмотреть на крышу камеры: "Я думаю, что единственный, кто действительно желал этого, был Зарот, и это не удивительно, учитывая его конкретный калибр".

"I..." Эйгин не знал, как начать, а потом решил, что неважно, как он это сказал: "Простите, что не смог ничего сделать..."

"Никто не может", - прервал Расса, - "Никто не может спасти меня от этого, Эйгин". И никто не должен. Я не такой, как все, никто никогда не привязывался ко мне, будучи таким. Быть вампиром..."

Расса сбежал, и Эйгин не могла не смотреть на Рассу в замешательстве. Что-то изменилось. Он казался... Эйджин не знала, как это определить. Это все еще был Расса, которого он встретил, но он каким-то образом казался старше. Менее... оптимистичным. Наверное, это было хорошо для кого-то в его ситуации.

"Рад, что ты жив".

Не в порядке. Просто живой. Расса, наверное, рассмеялся бы, если бы Эйгин сказала, что с ним все в порядке. Он был не в порядке, ни в коем случае. Но он был жив.

"Как долго я... Как долго я был в субсмерти?" спросил Расса.

"Зарот сказал две недели", - ответил Эгин, - "Зима приближается, я чувствую прохладу в воздухе снаружи".

Расса посмотрел на Эйгина, который Эйгин не смог до конца расшифровать, но со следующими словами Расса Эйгин вдруг понял. Это была форма благодарности.

"Что еще там происходит?"

Эйгин обязал его.

Расса, казалось, не слишком интересовался такими вещами, как политические беспорядки или коммерческие тайны, но Эйгин рассказал ему то, что он знал. Расса, похоже, больше ценил лакейские вещи. Например, как кучи апельсиновых листьев начали гнить, когда дождь начал падать и замачивать землю. Как птицы начали улетать на юг к Южным островам и дальше. Как звезды двигались. Он редко задавал вопросы, просто слушал. Когда Расса услышал, что кто-то приближается, он поднял руку к Эгину. Еще минуту назад Эгин тоже услышал шаги, осознав высоту чувств Расса. Они были намного выше его собственных.

Зарот не вернулся с рабами. Они просто пришли со стражниками, которые ослабили цепи Расса настолько, что он мог сидеть и кормиться. Эйгин наблюдала, как один раб падал за другим. В глазах Расса о них не было заботы, просто нужно было довольствоваться.

Из угла глаз Расса заметил фигуру Эйгина. В его взгляде не было ни зла, ни отвращения. Только то понимание, которое всегда было. Когда последний из рабов упал, бледный и пустой на землю, Расса вытер ему рот, вылизывая последнюю кровь с руки.

Эйгин оттолкнулся от стены в сторону, когда стража подобрала тела и вытащила их: "Все идет хорошо, я буду возвращаться каждые несколько месяцев". Постарайся не умереть между моими визитами. Когда ты не голоден, твоя довольно хорошая компания".

Расса улыбнулся, когда его клыки втянулись обратно в десны: "Наверное, ты тоже не так уж и плох, маленький убийца".

"Убийца?" Эгин насмехался: "Наверное, так и есть... хотя я привык быть известным как человек Хребта".

Эйгин улыбнулась в ответ, поворачиваясь и выходя из камеры.

Он не заметил, как улыбка Расса упала, внезапно в его голове сформировалось осознание, что писики щёлкают на месте. Его глаза разозлились. Последнее, чего он хотел, это служить интересам этого чудовища.